

Цзянь Лэ переводил взгляд с сияющего улыбкой красавца на хмурого, холодного старшекурсника. В итоге он решил обратиться к последнему, потому что улыбка первого была какой-то уж слишком...

— Здравствуйте, старшекурсник. Меня зовут Цзянь Лэ. Я случайно услышал, что вам, кажется, требуются помощники?

Цзянь Лэ чутко заметил, как после его слов лица обоих собеседников застыли. Они переглянулись: у одного выражение стало каким-то странным, а у другого — еще более мрачным.

— Я... я сказал что-то не то?

— Нет, ничего. Тебя зовут Цзянь Лэ? — Сюй Сяшэн незаметно, но внимательно окинул взглядом миловидного юношу.

— Ему это не подходит! — Жун Хэн, который все это время хранил ледяное молчание, прекрасно понимал, что у того на уме, и сразу же отрезал.

Сюй Сяшэн проигнорировал его и обратился к растерянному Цзянь Лэ:

— Я Сюй Сяшэн, это Жун Хэн. Ты ищешь работу?

Цзянь Лэ заметил, что, когда Сюй Сяшэн не улыбается, он выглядит вполне нормально, и немного выдохнул:

— Да, я пришел сюда на собеседование в ресторан.

По выражению лица парня Сюй Сяшэн сразу понял, что собеседование прошло неудачно, и прямо спросил:

— Почему тебе понадобилась работа?

Любой, кто смог поступить в университет Хастонбург, не нуждается в деньгах. Даже если студент из обычной семьи, после получения письма о зачислении многие компании или организации наперебой предлагают оплатить его обучение. К тому же, как сирота, Цзянь Лэ наверняка получил солидную сумму компенсации — этих денег с лихвой хватило бы на безбедную жизнь.

Вопрос Сюй Сяшэна был интересен и Жун Хэну. Ему тоже хотелось понять, зачем человеку, у которого есть огромная сумма денег и дар проводника, искать подработку.

Стоило прозвучать этому вопросу, как Цзянь Лэ автоматически переключился в режим собеседования. Он слегка улыбнулся:

— Мои родители рано ушли из жизни. Хотя у меня есть компенсация, я не хочу тратить эти деньги, пока не окажусь в безвыходной ситуации. Я способен прокормить себя сам.

Эти слова не были попыткой вызвать жалость или показать свое благородство. Это была правда. Цзянь Лэ всегда так думал и так поступал — он просто спокойно принял тот факт, что остался сиротой и должен быть независимым.

Сюй Сяшэн и Жун Хэн одновременно нахмурились. Первый снова спросил:

— Но ты еще несовершеннолетний. Тебе не обязательно так надрываться. Можно ведь заработать позже и вернуть эти деньги, разве нет?

Цзянь Лэ не ожидал такого ответа. Он на мгновение опешил, а затем рассмеялся:

— Это другое. Рядом со мной нет никого, кто одернул бы меня, если я сверну не туда. Поэтому я не могу позволить себе лениться с самого начала.

Сюй Сяшэн был ошеломлен. Цзянь Лэ всего шестнадцать. В этом возрасте люди из его окружения не то что о независимости не думают — они становятся гордостью семьи, просто если не доставляют лишних хлопот. Он не знал, насколько избалованы другие в шестнадцать лет, но сам в те годы даже не представлял, откуда берутся деньги. Он наивно полагал, что все в мире можно получить по первому желанию, и в его понимании понятия заработок просто не существовало.

— Хэн-хэн... — Сюй Сяшэн надул губы и посмотрел на Жун Хэна. — Я найму именно его!

Слова Цзянь Лэ произвели на Жун Хэна сильное впечатление. Хотя он не был таким избалованным, как Сюй Сяшэн, условия, в которых он рос, заставили его удивиться такой рассудительности шестнадцатилетнего подростка.

— Жун Хэн!

— Делай что хочешь.

Получив согласие Жун Хэна, Сюй Сяшэн победно улыбнулся и сказал все еще нервничающему Цзянь Лэ:

— Хорошо, договорились. Работа простая: каждый день прибираться у меня, а я буду платить тебе пятьсот... нет, тысячу федеральных кредитов в месяц!

— Что? — Цзянь Лэ не поверил своим ушам. Такая высокая зарплата только за уборку?

Сюй Сяшэн, увидев его реакцию, решил, что тот недоволен оплатой, и неловко усмехнулся:

— Я знаю, это немного, но в последнее время моя семья... они очень строго контролируют расходы, так что...

Он понимал, что для студентов Хастонбурга тысяча кредитов — это лишь карманные расходы на неделю, но после череды инцидентов с исчезновением денег его бюджет был жестко ограничен, иначе бы он не...

— Нет-нет! — Цзянь Лэ, заметив его замешательство, замахал руками. — Зарплата отличная! Просто... вы действительно хотите, чтобы я только убирался?

За такую оплату — и всего лишь уборка? Цзянь Лэ начал представлять, в каком же хаосе должна быть квартира, чтобы оправдать такие деньги.

— Ну, в основном это уборка, стирка, полив цветов... — Сюй Сяшэн с трудом припоминал, что еще нужно делать в его доме.

Цзянь Лэ понял: этот аристократ ищет помощника по хозяйству.

— А готовить не нужно? — спросил он.

— Нет, не нужно. Тебе еще на занятия ходить, я буду питаться в университетской столовой.

Он даже подумал о том, что мне нужно на занятия! Цзянь Лэ вдруг показалось, что Сюй Сяшэн невероятно хорош собой.

Уборка и стирка — этим займутся роботы, ему останется лишь разложить вещи по местам да полить цветы. Работа проще простого!

Цзянь Лэ не смог скрыть радости, его глаза превратились в полумесяцы, но он все же вежливо переспросил:

— Старшекурсник Сюй, вам правда больше ничего от меня не нужно?

— Уже называешь меня старшекурсником, какой сладкий язычок, — рассмеялся Сюй Сяшэн. — Решай сам, у меня запросы небольшие. Вот с кем действительно трудно, так это с господином Жун!

После этих слов Цзянь Лэ вспомнил, что в университетском общежитии живут по двое. Хотя нанимает его Сюй Сяшэн, работать он будет в их общей с Жун Хэном комнате. От этой мысли Цзянь Лэ стало спокойнее, а то он уже начал чувствовать себя мошенником, получая такие деньги.

— После обеда приходи к пятому корпусу, первый подъезд, я дам тебе пропуск.

— Хорошо!

Сюй Сяшэн обратился к молчаливому Жун Хэну:

— Ну скажи ты хоть что-нибудь! Это же выгода для всех, чего ты вечно с таким лицом ходишь? Если есть возражения — говори!

Цзянь Лэ: — Выгода для всех?

— Пустяки, — наконец отозвался Жун Хэн. Помолчав, он вдруг добавил: — Не позволяй этому мешать учебе.

— Пф! Матушка Жун, ну ты и зануда! — Сюй Сяшэн помахал рукой ошарашенному Цзянь Лэ.

— Не обращай на него внимания. Иди, увидимся после обеда.

— Хорошо. — Цзянь Лэ чувствовал, что Жун Хэн хотел сказать что-то еще, но, постояв немного и не дождавшись продолжения, произнес: — Тогда я пойду.

Проводив взглядом удаляющегося Цзянь Лэ, Жун Хэн наконец высказал то, что держал в себе:

— Ты правда решил ему помочь?

— А что такого? Разве ты не слышал, что он хочет заработать сам? Даже если бы он не убирался у меня, он все равно нашел бы другую работу.

— Ты хоть знаешь, почему предыдущий помощник уволился?

— Почему? — Сюй Сяшэн искренне удивился. — Разве не потому, что влюбился и у него не было времени?

Жун Хэн перестал надеяться на эмоциональный интеллект Сюй Сяшэна. Тот даже не задумывался, какое давление испытывает обычный студент, работая на него. Косые взгляды сокурсников, бесконечные сплетни — все это вынести было нелегко. Предыдущий работник терпел так долго только потому, что был влюблен в Сюй Сяшэна, а этот дурак даже не

догадывался о чувствах другого, до сих пор считая все происходящее чем-то обыденным.

Впрочем, Жун Хэн не стал останавливать Цзянь Лэ. У него были свои соображения: с таким статусом, даже не работая на Сюй Сяшэна, Цзянь Лэ вряд ли ждала легкая жизнь в университете. Изначально Жун Хэн не планировал связываться с заботой о сироте, но теперь передумал. Если Цзянь Лэ станет человеком Сюй Сяшэна, те, кто захочет его обидеть, будут вынуждены считаться с последствиями, ведь Сюй Сяшэн своих в обиду не дает.

Найдя работу, Цзянь Лэ почувствовал, что его шаги стали легкими, как у олененка, а настроение — мягким и воздушным, как сахарная вата.

Он сам рассмеялся над своим сравнением, всю дорогу посмеиваясь над собой и пребывая в отличном расположении духа. Однако, войдя на территорию кампуса, он перестал улыбаться. Даже будучи человеком беззаботным, он почувствовал на себе странные взгляды.

Цзянь Лэ нахмурился: неужели его происхождение стало известно всем сразу после начала учебы?

Да и ладно, узнали так узнали, ничего постыдного в этом нет. Оптимистичный по натуре, Цзянь Лэ быстро отбросил эти неприятные мысли.

Время еще было, и он хотел прибраться в комнате, прежде чем идти к Сюй Сяшэну. Когда он заселялся, соседа еще не было. Интересно, застанет ли он его сейчас?

Кстати, общежитие Хастонбурга — это нечто особенное. В других школах разделение по полу строгое, а стражей и проводников селят отдельно, чтобы избежать неприятностей. Но Хастонбург был выше этого: здесь не делали различий ни по полу, ни по статусу, а комнаты распределялись системой случайным образом.

Пол — не проблема, так как в каждой комнате две отдельные спальни с общей гостиной. А вот стражи и проводники — это уже сложнее. Пока они несовершеннолетние и ничем не отличаются от обычных людей, все в порядке. Но после совершеннолетия, если совместимость высокая, соседи легко могут стать парой. Благодаря такой системе доля пар среди выпускников Хастонбурга достигала сорока процентов.

Цзянь Лэ подозревал, что руководство университета сделало это намеренно: прививать любовь с пеленок, внутреннее развитие, создание сильных союзов... просто коварство какое-то. И хотя система была случайной, вероятность того, что проводника и стража поселят вместе, была подозрительно высокой. Университет очень старался вырастить больше элиты.

Цзянь Лэ еще не видел соседа. Хотя он догадывался, что это может быть проводник, он все же мечтал, чтобы это была милая девушка.

Это прекрасное желание рухнуло в тот момент, когда он открыл дверь. Человек, стоявший к нему спиной и разбирающий вещи, по школьной форме был явно парнем. Однако, судя по телосложению, на стража он не походил.

— Кхм!

— Кто здесь?!

Цзянь Лэ притворно кашлянул, но сосед подпрыгнул на месте, словно испуганный котенок, и в мгновение ока спрятался за спинку дивана.

— ...

— ...

Цзянь Лэ покраснел от неловкости, сделал несколько шагов вперед и смущенно представился:

— Привет, я Цзянь Лэ, твой сосед.

<http://bllate.org/book/19107/1876557>